

—
Женщина была одета в мягкую меховую шубу, ее макияж был изысканным и строгим. Яркие красные губы резко контрастировали с опускающимся чистым белым снегом.

Цзи Юйчжоу вышел из машины и вместе с Цзян Сюньюем шаг за шагом подошел к ней.

Сердце Цзян Сюньюя понемногу подступало к горлу.

«Мама, давно не виделись».

Цзян Сюньюй не ошибся, это действительно была мать Цзи Юйчжоу.

Такая благородная и величественная женщина... Цзян Сюньюй чувствовал себя ничтожным. Он низко опустил голову, боясь, что она заметит что-то неладное и почувствует отвращение.

Но первое же слово женщины заставило его остолбенеть.

Она приветливо улыбнулась и сама подошла, чтобы взять вещи, которые нес Цзян Сюньюй:
«Это Сяо Сюньюй? Какой послушный!»

Цзян Сюньюй на мгновение застыл на месте, смущенно не зная, что сказать. Женщина улыбнулась, взглянув на Цзи Юйчжоу, и с упреком сказала: «Ты, наверное, наговорил ребенку обо мне плохого, раз он даже смотреть на меня не смеет».

Цзи Юйчжоу немного растерялся: «Мама, ну что ты, я только и делал, что хвалил тебя».

Он повернулся к Цзян Сюньюю и представил: «Это моя мама, можешь звать ее тетя Ли».

Женщину звали Ли Ханьцю. У нее были глубокие чувства к отцу Цзи Юйчжоу, и семья Цзи хорошо ее оберегала. Внешний мир знал лишь о ее существовании, но никогда не видел ее лица и не знал ее имени.

«Здравствуй, Сяо Сюньюй», — ласково поприветствовала его Ли Ханьцю, ее изогнутые глаза напоминали полумесяцы, — «Юйчжоу не раз упоминал тебя при мне и очень хвалил, говорил, что ты особенно милый».

Скованные движения Цзян Сюньюя понемногу расслабились, и он тихо произнес:
«Здравствуйте, тетя Ли».

Ли Ханьцю улыбувшись погладила Цзян Сюньюя по голове сквозь шапку: «Привет. На улице холодно, пойдем в дом».

Как и снаружи, внутренняя отделка дома была выполнена в стиле ретро. Винтовая лестница была полностью деревянной, а на стене был большой, тепло сияющий оранжевым светом камин.

На дверях комнат уже были наклеены новогодние парные надписи и иероглиф «福» (фу, счастье). По сравнению с ледяным миром снаружи, здесь было уютно, спокойно и домашнему.

После смерти отца Цзи Юйчжоу от болезни Ли Ханьцю жила здесь. Она по натуре была тихой,

не держала слуг во дворе, лишь иногда просила роботов-дворецких, присланных Цзи Юйчжоу, убирать дом. Остальными растениями и цветами занималась сама.

Цзи Юйчжоу предлагал забрать ее, но она устала от шума и интриг города и предпочитала проводить время со своими цветами и растениями здесь.

Цзи Юйчжоу ничего не мог поделать, кроме как стараться по возможности возвращаться и проводить с ней время.

Пропустив их в дом, Ли Ханьцю добавила углей в камин, а затем налила каждому по чашке горячего чая.

За окном валил снег, а в доме было тепло и уютно. Тела, измученные холодом, постепенно согревались.

Цзи Юйчжоу снял пальто и небрежно повесил его сбоку. Цзян Сюньюю тоже было немного жарко, но он все равно плотно натягивал шапку. Капли пота стекали с его носа. Ли Ханьцю сидела напротив и с заботой спросила: «Сюньюй, тебе жарко? Хочешь снять одежду?»

«Не... не нужно».

Цзян Сюньюй без раздумий отказался. Он постоянно помнил, что цвет его глаз отличается от других, и боялся, что Ли Ханьцю испугается, увидев их.

Ли Ханьцю была особенно приветлива: «Если жарко, снимай, в доме так тепло, можешь вспотеть».

Сидевший рядом Цзи Юйчжоу тоже кивнул: «Если жарко, сними пальто».

«Но...» Цзян Сюньюй подсознательно посмотрел на Цзи Юйчжоу. Под широкой шляпой его голубые глаза слегка дрожали, полные смущения и нервозности.

«Все в порядке», — ободряюще сказал Цзи Юйчжоу.

После того, как Цзи Юйчжоу принял решение не отправлять Цзян Сюньюя, он объяснил Ли Ханьцю ситуацию с ребенком.

Ли Ханьцю всегда была добросердечной, любила детей, а также хорошо помнила, как человек с синими глазами спас жизнь Цзи Юйчжоу много лет назад. Узнав, что это ребенок того человека, и услышав от Цзи Юйчжоу о том, что он пережил, ее сердце смягчилось, и она лишь жалела, что семья Цзи не нашла его раньше.

При таком гостеприимстве Цзян Сюньюю было невозможно отказаться. Он долго колебался, осторожно схватил края своей шляпы обеими руками и немного приподнял ее.

Его движения были робкими, он был готов в любой момент. Если Ли Ханьцю проявит хотя бы малейшее неудобство или реакцию, он тут же натянет шляпу обратно, опустит голову и больше никогда не позволит Ли Ханьцю увидеть его глаза.

Ли Ханьцю смотрела на Цзян Сюньюя нежным взглядом, на ее лице всегда была улыбка. Когда ее взгляд встретился с голубыми глазами Цзян Сюньюя, в ее черных глазах, очень похожих на глаза Цзи Юйчжоу, не было ни малейшего презрения или страха.

Обыденно.

Это было то, чего Цзян Сюньюй жаждал больше всего.

Он никогда не жаждал и не нуждался в бурных похвалах, намеренном восхвалении. Он просто хотел, чтобы к нему относились как к нормальному человеку.

Цзян Сюньюй медленно снял всю шляпу, а также пальто.

Ли Ханьцю встала, чтобы помочь Цзян Сюньюю повесить снятую одежду. Цзи Юйчжоу сказал: «Мама, пусть он сам».

Цзян Сюньюй, словно очнувшись, тихо сказал: «Я сам справлюсь».

Он встал, чтобы повесить одежду рядом с пальто Цзи Юйчжоу. Когда вернулся, его взгляд все еще был немного робким.

Ли Ханьцю с улыбкой спросила Цзи Юйчжоу: «Неужели ты обычно слишком строг к Сюньюю, раз он даже говорить не смеет сам?»

Цзи Юйчжоу отпил чаю из чашки, в его голосе была легкая беспомощность: «Ребенок действительно немного застенчив».

Так они вдвоем смеялись и разговаривали. Цзян Сюньюй сильно кусал губы, наконец, не выдержав.

Он поднял глаза на все еще улыбающуюся Ли Ханьцю и серьезно спросил: «Вы... вы не боитесь?»

Ли Ханьцю моргнула и спросила в ответ: «Чего бояться?»

Цзян Сюньюй поджал губы, его пальцы непроизвольно свернулись в кулак, ногти впились в ладонь, было немного больно.

«Мои... мои глаза синие... Раньше говорили, что такие глаза нехороши, приносят несчастье...»

Ли Ханьцю немного остолбенела.

Раньше Цзи Юйчжоу специально обсуждал с ней, чтобы она не поднимала при Цзян Сюньюе тему его синих глаз. Ребенок был замкнутым и чувствительным, больше всего боялся чужих косых взглядов.

Ли Ханьцю, конечно, могла понять это чувство. Более того, она, как и Цзи Юйчжоу, много чего видела и не верила беспочвенным слухам. Она никогда не считала, что люди с глазами другого цвета сильно отличаются от обычных людей.

Но в этот момент робкое выражение лица Цзян Сюньюй заставило ее почувствовать себя немного расстроенной.

Другие, вероятно, предпочли бы скрыть эти слухи и не сообщать о них другим, но не этот ребенок, который вот так сам по своей инициативе говорит об этом.

Цзи Юйчжоу по натуре был холодным. Ли Ханьцю раньше удивлялась, как он мог согласиться оставить рядом с собой этого подростка, не имеющего с ним никакого кровного родства.

Теперь она вдруг поняла. Вероятно, именно такой чистый, всем сердцем заботящийся о других

ребенок был тем, чего больше всего жаждал Цзи Юйчжоу, выросший в грязной среде и привыкший к грязным методам.

Спустя мгновение Ли Ханьцю тихо рассмеялась: «И такое говорят? Но я тоже не вижу, чтобы люди с черными глазами были такими уж удачливыми».

Непринужденно, она рассеяла последнее беспокойство в сердце Цзян Сюньюя.

—

<http://bllate.org/book/12842/1131898>